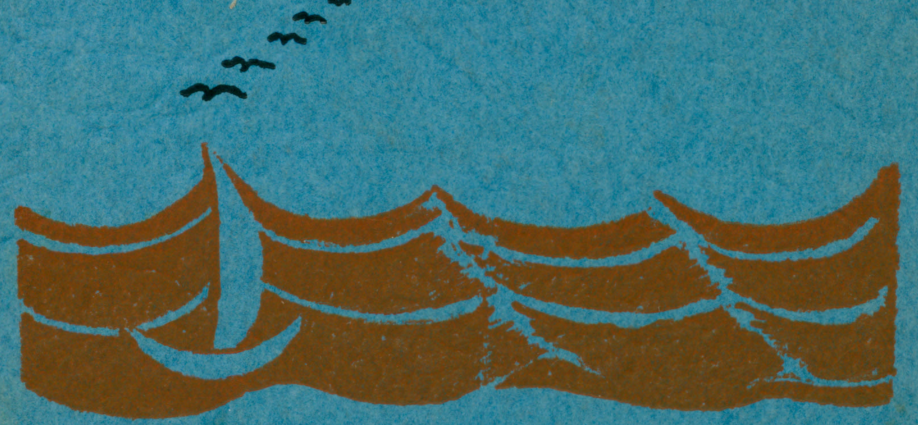
Лидія Нелидова-Фивейская

Съ чужихъ береговъ

ЛИДІЯ НЕЛИДОВА-ФИВЕЙСКАЯ

СЪ ЧУЖИХЪ БЕРЕГОВЪ

ВТОРОЙ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

* * *

М. М. ФИВЕЙСКОМУ

ПОСВЯЩАЮ

ЛИДІЯ НЕЛИДОВА-ФИВЕЙСКАЯ

СЪ ЧУЖИХЪ БЕРЕГОВЪ

Далеко мой край,
Тамъ, за гребнемъ волнъ,
За туманами,
Грустной тайной полнъ.

Среди волнъ морскихъ
Огонекъ горитъ,
Въ даль туманную,
На просторъ манитъ.

Я гляжу туда,
Вдаль мечтой лечу...
Вѣтеръ косу вьетъ
По спинѣ, плечу.

Изъ-за шума волнъ
Будто слышится.
Какъ въ родныхъ поляхъ
Рожь колышится.

Вѣтеръ по морю
Пропоетъ порой,
Какъ поетъ косарь
Въ тишинѣ степной...

Отшумѣла рожь
И погасъ огонь.
Дума горькая
Не тревожь, не тронь.

Отзвучала пѣснь
И умолкъ косарь,
Но въ душѣ звучитъ
Эта пѣснь, какъ встарь.

Про сѣдую степь
Безконечную,
Про печаль-тоску
Вѣковѣчную.

1937, январь.

ХРИСТОСЪ

Изъ посланія въ Римскій Сенатъ Публія Лентула, Римскаго проконсула въ Іудеѣ, во времена Спасителя.

Говорятъ Онъ Великій Пророкъ.
Называютъ Его Сыномъ Бога.
Онъ прекрасно сложенъ и высокъ,
А лицо Его тонко и строго.
Лобъ высокій спокоенъ и чистъ.
Ротъ и носъ красоты безупречной.
Взглядъ открытый глубокъ и лучистъ
И горитъ свѣтомъ истины вѣчной.
Глубже неба Его синій взоръ.
По обычаю всѣхъ въ Назаретѣ —
На челѣ Его гладкомъ: проборъ.
Волоса въ красноватомъ отсвѣтѣ
Ниспадаютъ, віясь, до спины.
Тотъ же цвѣтъ бороды раздвоенной.
Его руки изящны, длинны.
Выразителенъ ликъ вдохновенный.
Рѣчи дышатъ привѣтомъ для всѣхъ,
Но ужасны, какъ пламя, укоры.
Никогда не звучалъ Его смѣхъ,
Но сверкали слезой Его взоры.
Онъ какъ будто читаетъ въ вѣкахъ,
Свѣтлой мудростью полнъ величавой.
Привлекая, внушаетъ Онъ страхъ,
Неземною обвѣянный славой!...
    И толпа средь садовъ и дорогъ
Безъ конца-бъ Его слушать хотѣла.
Онъ прекрасенъ, какъ солнце, какъ Богъ,
Какъ гармонія Духа и тѣла!

1934, августъ.

ВЕСЕННЕЕ

Въ зеленой колесницѣ
Со свитою своей,
Зажмурившии рѣсницы
Отъ солнечныхъ лучей,
Идетъ весна-царица
Съ гирляндой у плечей;
О ней щебечутъ птицы.
О ней журчитъ ручей.
Въ вѣнкѣ живыхъ растенiй
Спускается она
И радостью весенней
Душа опьянена.
И снова вѣря въ счастье
Съ природой расцвѣла,
Какъ будто бы Причастье
Святое приняла.
О Таинствѣ Великомъ
Поетъ лазурь небесъ.
Отъ пѣнья птицъ и крика
Проснулся сонный лѣсъ,
Раскрывъ вѣтвей объятья:
Христосъ Воскресе, братья!
Воистину Воскресъ!

1935, апрѣль.

ДЕМОНЪ

Заснулъ тревожно міръ порочный,
Уставъ отъ лжи и всякихъ золъ.
Угрюмый Демонъ въ часъ полночный
Къ вратамъ Эдема подошелъ.
Скиталецъ бездны необъятной,
Въ воспоминанья погруженъ,
Невольно былъ завороженъ
Какой-то грустью непонятной.

Давно... въ началѣ всѣхъ началъ,
Онъ Ангеламъ былъ братомъ младшимъ...
И такъ о прошломъ заскучалъ,
Что въ двери рая постучалъ
Рукой несмѣлой Ангелъ падшій.

* * *

Но странно... Одинокій стукъ
Его остался безъ отвѣта...
Тогда, зажмурившись отъ свѣта,
Усиліемъ могучихъ рукъ,
Онъ распахнулъ врата!... И что-же?
Предъ нимъ зіяла пустота.
Небесный садъ былъ уничтоженъ.
Пустыню прятали врата...

И подъ пустыми небесами
Среди развалинъ онъ бродилъ.
И, прошептавъ: — "Я побѣдилъ..." —
Заплакалъ первыми слезами...

1938, сентябрь.

ЛУННОЕ

Грусть незримо слетаетъ ко мнѣ,
Обвѣвая таинственной властью.
Грусть о смутномъ, несбывшемся снѣ,
О какомъ-то приснившемся счастьѣ!...

Зачарована грезой земля,
Вся въ мерцающемъ лунномъ убранствѣ.
Не въ прошедшемъ, не въ будущемъ я —
Тамъ, гдѣ времени нѣтъ и пространства.

Легкой тѣнью брожу въ тишинѣ
По дорожкамъ заснувшаго сада.
Звѣздный свѣтъ чуть дрожитъ въ вышинѣ
И ночная вздыхаетъ прохлада.

И невидимый въ чащѣ кустовъ
Хоръ сверчковъ мнѣ поетъ серенады
И какъ будто въ молитвѣ безъ словъ
Свѣтляки зажигаютъ лампады.

А на томъ берегу огоньки
Говорятъ о невѣдомой встрѣчѣ.
Отражаются въ глади рѣки,
Какъ вѣнчальныя, строгія свѣчи...

Я люблю въ тихій часъ быть одна,
Когда все такъ пустынно и сиро
И блуждаетъ въ пространствѣ луна —
Блѣдный призракъ погасшаго міра.

1927, августъ.

ДУША И МОРЕ

Меня куда то вѣтеръ звалъ
Въ просторъ морей, въ туманъ ихъ дальній...
Тамъ, гдѣ шумѣлъ мятежный валъ,
Я одинокій и печальный
Душой усталой отдыхалъ.

Шумѣло море вѣтру вторя
И пѣнилось въ тискахъ оковъ.
Душа грустила о просторѣ...
Изъ жизни узкихъ береговъ
Рвалась на волю, какъ и море.

Валъ набѣгая, гордъ и дикъ,
Манилъ съ собою въ безконечность.
Я въ шумѣ моря слышалъ крикъ:
— "Моя борьба — сѣдая вѣчность,
Твоя-же только краткій мигъ!..."

1930, декабрь.

ШАЛЯПИНЪ

Живые образы Россіи
Нерукотворно создалъ вновь
Шаляпинъ, сынъ ея стихіи,
Ея родная плоть и кровь.
Рождалъ-ли кто сыновъ чудеснѣй,
Чѣмъ ты, былинная страна?
Его животворящей пѣсней
Моя душа окрылена.
Ему молитвенно внимая,
Я вижу сказочные сны,
Какъ будто вдругъ приподнимая
Завѣсу яркой старины.
Мнѣ снится ширь степей безбрежныхъ,
Взглядъ ястребиный Кончака...
Разгульный пиръ орды мятежной;
Разбѣгъ коней издалека.
Лукавый смѣхъ невольницъ нѣжныхъ...
Шаги побѣднаго полка.
Свистящій вихрь метелей снѣжныхъ,
Гдѣ смерть танцуетъ трепака...
И берегъ Волги безмятежный,
Костры и пѣсни бурлака
И вѣчный призракъ неизбѣжный —
Судьбы грозящая рука...
Я слышу тихій шелестъ нивы;
Какъ будто вѣтерокъ донесъ
Печальный вздохъ поникшей ивы
И шепотъ ласковый березъ.
Благоговѣйно и влюбленно
Родные звуки я ловлю
И всей душою окрыленной
Живу и вѣрю и люблю!...

1935, мартъ.

НА СМЕРТЬ ШАЛЯПИНА

Поникнули ивы плакучія
Надъ Волгой, вздыхая о томъ,
Что смолкнула пѣсня могучая —
Заснулъ богатырь вѣчнымъ сномъ.

Не вьюги, свистя надъ курганами,
Ему панихиды поютъ —
Въ чужой сторонѣ, за туманами,
Нашелъ онъ послѣдній пріютъ.

Искусства избранникъ божественный,
Познавшій языкъ красоты,
Онъ въ жизни прошелъ путь торжественный
Исканья, горѣнья, мечты...

Онъ творческой силою генія
Сонъ призрачный въ явь воплощалъ
И взлетомъ святымъ вдохновенія
Изъ звуковъ міры создавалъ.

Всю жизнь Грезѣ рыцарски преданный
Въ послѣднемъ бреду на землѣ,
Шепталъ онъ: "театръ неизвѣданный
Я вижу въ таинственной мглѣ..."

...Пусть съ миромъ въ землѣ онъ покоится,
Вдали отъ родимыхъ березъ...
Дверь райская тихо откроется,
Туда, гдѣ нѣтъ горя и слезъ.

1938, апрѣль.

ВИДѢНІЕ

Ночью, въ комнатѣ темной и мрачной,
Вдругъ, какъ будто рояль зазвучалъ.
Я проснулась... Туманно прозрачный
Призракъ женщины тихо игралъ.

Что то грустное пѣли аккорды,
Будто траурный маршъ... А потомъ
Свѣтлый призракъ печально и гордо
Улыбнувшись исчезъ за окномъ.

Я за нимъ побѣжала со стономъ —
Полумракъ все окуталъ въ вуаль...
Задрожала струна съ легкимъ звономъ;
Изъ окна брезжилъ свѣтъ на рояль...

Я за призракъ, — разсвѣтъ принимала?
Кто же могъ среди ночи играть
Такъ печально?.. А послѣ узнала —
Въ эту ночь умерла моя мать.

1927, сентябрь.

МОЯ МОЛИТВА

Предъ Тобой колѣни преклоняю
Я въ молитвѣ строго-молчаливой,
Но о чемъ просить Тебя? — Не знаю...
Помоги мнѣ Боже быть счастливой!

Я не знаю, что мнѣ въ жизни надо
И о чемъ душа моя томится,
Но въ молитвѣ тихая отрада
Для души мятущейся таится.

1928, мартъ.

НА МОСТУ

На мосту мы прощались съ сестрой
На зарѣ нашихъ дней, въ утро мая,
Надъ прозрачной рѣкой Ангарой,
Волнъ журчанью безмолвно внимая.
Много май намъ тогда говорилъ
Словъ таинственныхъ, полныхъ привѣта.
Мы стояли, склонясь у перилъ,
Въ синеватомъ туманѣ разсвѣта,
Съ грустью странною въ юныхъ сердцахъ.

Позади, за твоею спиною,
Сквозь туманъ сонный городъ мерцалъ,
Принаряженный пышной весною...

А за мною змѣилась дорога.
Вдаль бѣжали, шумя, поѣзда
И въ разсвѣтѣ холодномъ и строгомъ
Одиноко тонула звѣзда.

1929, май.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ХОРОВОДЫ

За окномъ — метель и вьюга.
Хлопья снѣжные мелькаютъ...
А въ гостинной теплой, елка
Вся въ цвѣтныхъ огняхъ сверкаетъ.

Сколько блестокъ и игрушекъ!
И одна другой чудеснѣй!
Съ звонкимъ смѣхомъ ребятишки
Хороводы водятъ съ пѣсней.

...А потомъ погасла елка.
Побѣжали дни и годы...
Въ опустѣломъ старомъ домѣ
Вьюга водитъ хороводы.

Громко хлопаетъ дверями;
По пустыннымъ заламъ бродитъ...
И поетъ о томъ, что въ мірѣ
Все не вѣчно, все проходитъ...

1929, октябрь.

ВЪ ОКНО

Я вижу сонный городокъ:
Кривыя улицы пустынны;
Съ далекой пристани гудокъ
Доносится протяжный, длинный...
Вотъ деревянный, старый домъ,
Съ линялой краской голубою
И дворъ, поросшій весь кругомъ
Густой крапивой и травою.
Кленъ за заборомъ, въ сторонѣ,
Вѣтвями пыльными качаетъ
Сижу съ ногами на окнѣ,
Надъ арифметикой скучая.
Дѣвченка въ лавкѣ на углу
Купила ирисъ на копейку
И, спрятавши его во рту,
Усѣлась чинно на скамейку...
Скликаетъ курица цыплятъ
И чиститъ носъ зеленой травкой;
И трое пьяницъ мирно спятъ
Передъ казенной винной лавкой...
Пылитъ извозчикъ... Песъ бѣжитъ
Съ сердитымъ лаемъ за лошадкой.
На тротуарѣ котъ лежитъ,
Зажмурившись на солнце сладко.
Вдругъ, на собаку фыркнувъ, котъ
На дерево взобрался ловко.
Напротивъ, вижу, изъ воротъ
Свѣтлѣетъ русая головка.
Зоветъ: “Иди играть ко мнѣ!”
А я въ отвѣтъ, вздохнувъ глубоко:
“Я не могу придти къ тебѣ,
Пока не выучу урока!...”

Я не хочу искусственныхъ признаній,
Я не хочу неискреннихъ похвалъ!
Въ душѣ моей звучитъ девятый валъ
Невысказанныхъ вслухъ переживаній.

Пусть жизнь бурлитъ, играя, за порогомъ.
Ее принять такою не могу.
Иную жизнь въ душѣ я берегу,
Среди людей, въ затворничествѣ строгомъ.

Я не хочу, чтобъ міръ моихъ мечтаній
Незванный шумъ житейскій прерывалъ.
Я не хочу неискреннихъ похвалъ!
Я не ищу искусственныхъ признаній.

1931, мартъ.

НАДЪ ГРУДОЙ ПЕПЛА

Надъ грудой пепла и камней,
Среди развалинъ, плющъ завился
И къ небу по стѣнѣ стремился,
Безпомощно прижавшись къ ней.
Онъ ввѣрилъ ей всѣ упованья,
Свои мечтанія и сны...
Но встрѣтилъ мертвое молчанье
Полуразрушенной стѣны.
Онъ говорилъ стѣнѣ: "Не знаю
Рожденъ я ползать иль летать?
Но на землѣ я погибаю,
А неба не могу достать.
Ты поддержи меня немного
И улыбнись, какъ другъ, плющу.
Я листья — крылья распущу
И лучезарную дорогу
Къ далекимъ звѣздамъ разыщу!
Ихъ зачарованныхъ сіяній
Достигну, взвившись по лучу,
Ночныхъ царицъ — моихъ мечтаній
Въ объятья страстно заключу.
Я разскажу имъ сны земные...
Тебѣ-жь, вернувшись, подарю
Ихъ сновидѣнья золотыя
И землю съ ними примирю!..."
У каменной стѣны совѣта
Молилъ онъ въ прозѣ и стихахъ.
Стѣна не слышала поэта
И онъ поникнулъ и зачахъ...

* * *

Увы, давно пора понять мнѣ
Пора сказать мечтѣ: "Прости..."
Но... плющъ, упавъ, не могъ рости...
И онъ хватается за камни,
Чтобъ къ звѣздамъ трепетно ползти,
Чтобъ снова вѣрить и цвѣсти!...

1938, мартъ.

Пускай не здѣсь и не теперь,
Не въ этой жизни лживой, пошлой —
Душа откроетъ къ счастью дверь,
Навѣкъ простившись съ грустью прошлой.

О мірѣ темномъ не скорбя,
Въ мой свѣтлый мигъ освобожденья —
Лишь о тебѣ и для тебя
Слеза прольется сожалѣнья.

1931, августъ.

PATHETIC SYMPHONY

Шестая Симфонія — даль необъятная.
Глубь безъ конца, безъ предѣловъ полетъ!
Печаль отражается въ ней непонятная,
Въ міръ красоты лучезарной зоветъ.

В ней шопотъ молитвы, въ ней отзвукъ рыданія
Людямъ о чемъ-то вѣщаетъ пророкъ.
Порой разверзаются бездны страданія:
Свой приговоръ совершаетъ злой Рокъ.

Шестая Симфонія — пламень Божественный,
Вспыхнулъ на встрѣчу грядущимъ вѣкамъ.
Весь міръ обнимая, онъ гимномъ торжественнымъ
Рвется съ земли къ голубымъ облакамъ.

Мечтою Чайковскаго завороженная
Грежу, какъ будто дверь въ вѣчность открывъ...
Шестая Симфонія — бездна зажженная...
Огненныхъ крыльевъ стихійный порывъ!

1940, февраль.

МОЛИТВА

Верни меня моей отчизнѣ,
Мою отчизну мнѣ верни!...
О, Боже Правый, сохрани
Меня до новой лучшей жизни!

Но рвется огненный упрекъ:
Устало сердце жить на тризнѣ...
За что?... За что Ты насъ обрекъ?...

1933, январь.

ПОЛУСОНЕТЪ

Несутся радостные зовы
И по весеннему поютъ...
Мы только мигъ съ тобою тутъ,
Чтобы навѣкъ разстаться снова.

Дай въ этотъ мигъ, что можешь дать!
Возьми, что сердце взять готово,
Чтобъ этотъ мигъ благословлять!

1932, декабрь.

НЭСЯ

Агніи З. посвящаю.

По лѣтней полянкѣ
Летятъ мотыльки.
У Нэси — смуглянки
Глаза — угольки.
Малюсенькій ротикъ
И бровки дугой...
Послушнѣй, чѣмъ котикъ.
Милѣй нѣтъ другой!
Рисуетъ и вяжетъ
И любитъ балетъ.
Никто и не скажетъ,
Что ей восемь лѣтъ!
И къ папѣ и къ мамѣ
Вниманья полна...
Судите же сами:
Какая она!

1933, іюль.

ВЪ ВАГОНѢ

Колеса поѣзда стучали.
Мелькали встрѣчные огни.
Съ душою, пьяной отъ печали,
Ты хмуро прятался въ тѣни...
Съ мгновенья первой нашей встрѣчи
Невольно помню до сихъ поръ:
Слегка понуренныя плечи
И утомленный, грустный взоръ...
Гадала, къ стекламъ прижимая,
Я лобъ расплывчатымъ пятномъ:
Что мнѣ сулила ночь нѣмая
За не растворенным окномъ?...
Мы мчались къ неизвѣстной цѣли
И для меня колеса пѣли
О счастьѣ, ждущемъ впереди,
Туманомъ розовымъ покрытомъ,
А у тебя росла въ груди
Печаль о счастьѣ пережитомъ.

1933. мартъ.

Если-бъ крылья были у меня —
Я-бы ихъ, поникнувши, сложила...
Если-бъ мечъ въ рукѣ былъ изъ огня —
Я-бъ его, устало, уронила...

Оттого, что нечего беречь
Средь пустыни безъ конца и края.
Оттого, что мнѣ не нуженъ мечъ
У воротъ расхищеннаго рая...

1932, іюнь.

Лучъ послѣдній угасъ.
Прячутъ сумерки насъ.
Молчаливая ночь наступаетъ.

Убѣгая во мглу,
Тѣни жмутся въ углу
И шевелятся тамъ и пугаютъ.

Въ тишинѣ, безъ огней,
Власть былого сильнѣй —
Позабытое вновь оживаетъ

И въ безстрастной тиши,
Будто стоны души,
На рояли аккордъ замираетъ.

На тему, данную мнѣ
гр. И. Л. Толстымъ.

На страстный мой призывъ въ отвѣтъ,
Сквозь подступившія рыданья,
Услышалъ я сухое: "Нѣтъ!
Я не люблю васъ. До свиданья..."
Я умолялъ: "Не уходи!..."
Она: "Я слушать васъ устала..."
И сердце вдругъ въ моей груди,
Какъ будто биться перестало...
Она спокойна и горда
Остановилась на порогѣ:
"Меня забудьте навсегда!..."
И повернула профиль строгій.
Я руки къ ней простеръ съ мольбой
И называлъ ее "любимой",
Но дверь закрыла за собой
Она, какъ рокъ неумолимый.
Съ ней все исчезло свѣтлымъ сномъ,
Что было мнѣ всего дороже...
А ночь, чернѣя за окномъ,
Была на грусть мою похожа.
Жизнь показалась такъ пуста.
Я жаждалъ смерти, какъ забвенья.
Но грусть зажгла мои уста
Огнемъ и страстью вдохновенья.
"Разлуки нѣтъ!" — я закричалъ,
Воспрянувъ духомъ въ новой вѣрѣ,
А вѣтеръ ставней застучалъ
И распахнулъ вдругъ съ шумомъ двери.
"Ты всюду вслѣдъ за мной пойдешь
Мечтой, надеждой, вдохновеньемъ!
Слезой на грудь мою падешь,
Являться будешь сновидѣньемъ!

Вѣдь въ снахъ моихъ ты не вольна,
Я уврачую рану злую
И кудри, кудри изо льна
Я въ сновидѣньяхъ зацѣлую!..."

1931, январь.

ЧАША

Иду не встрѣчена толпой...
Иду неслышными стопами
Уединенною тропой...

Такъ гордый жрецъ въ пустынномъ храмѣ,
Идетъ незримый въ фиміамѣ,
Влекомый звѣздною мечтой,
Упрямо преданный обѣту...

Мнѣ даль лазурная видна
И до краевъ душа полна,
Какъ чаша, данная поэту...
Не уронить бы чашу эту,
Не расплескать-бъ ея вина!

1932, апрѣль.

Пусть въ тишинѣ оранжерей
Очарованье орхидей
Ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнимо —
Онѣ садовникомъ хранимы...

Но почему среди полей
Ростутъ цвѣты еще милѣй?
Какой садовникъ нѣжитъ, холя
Фіалку или ландышъ въ полѣ?

1933, февраль.

ЛУЧЪ

Сквозь кружевную занавѣску,
Гдѣ вьется узкая тесьма,
Лучъ солнца золотистымъ блескомъ
Упалъ на бѣлый листъ письма;

И почему, не понимаю,
Я рада этому лучу...
Вотъ я его сейчасъ поймаю
И въ плѣнъ конверта заключу,

Что-бъ онъ, въ письмѣ моемъ блистая,
Перелетѣлъ чрезъ океанъ,
Какъ бы надежда золотая
Или привѣтъ изъ дальнихъ странъ...

1928, февраль.

Сегодня я останусь дома
Съ своими думами одна.
Со мною Пушкина три тома,
Моя тетрадь и тишина.

Толпа и шумъ всегда мнѣ въ тягость,
А здѣсь, въ мечтательной тиши,
Найду изысканную радость
И для ума и для души.

Душистый чай въ моемъ стаканѣ...
Ряды подушекъ за спиной.
И, развалившись на диванѣ,
Тряхну уютной стариной...

И вмѣсто грохота трамвая,
Услышу русскую метель
И, все на свѣтѣ забывая,
Умчусь за тридевять земель!...

1930, мартъ.

ВЪ ПОРЫВѢ СТРАСТИ

Посвящаю Ильѣ Львовичу Толстому,
давшему мнѣ три строчки этого стихотворенія.

Въ порывѣ страсти огневой,
Я, не сдержавъ своихъ рыданій,
Предъ ней поникнулъ головой
Подъ тяжестью воспоминаній...

И на мгновеніе одно
Она, блѣднѣя, замолчала...
А осень хмурая въ окно
Сухою вѣткой застучала.

Въ тиши пустынной и глухой
Незримо бездна выростала...
— "Мой другъ, ты плачешь о другой!"
Она промолвила устало...

Растаялъ въ сумракѣ ночномъ,
Какъ дымъ, послѣдній призракъ счастья.
Въ осенней пѣснѣ за окномъ
Рыдало хмурое ненастье.

1929, ноябрь.

БОЛОТНАЯ ЛИЛІЯ

Умирала болотная лилія
Поздней осенью, въ сумерки хмурые;
Лепестки всѣ въ покорномъ безсиліи
Уронила, какъ крылья понурыя.
А вокругъ, какъ стѣною высокою,
Надъ водой неподвижною, мутною,
Заросло все болото осокою,
Усыпленное грезою смутною.
Прошумѣлъ вѣтерокъ пробѣгающій,
Надъ поникшей царицей болотною
И надъ лиліей пѣлъ умирающей,
Раскрывая объятья холодныя.
Камыши свою пѣсню тоскливую
Прошуршали, какъ будто заплакали.
А лягушки съ насмѣшкой ревнивою
Изъ болота презрительно квакали...

1930, **май.**

LONE EAGLE

Когда вечерняя звѣзда
Плыла надъ скалами блистая —
Орленокъ выпалъ изъ гнѣзда
Съ вершины внизъ, гдѣ мгла густая.

Змѣя-ль безшумно подползла,
Подкрались-ли ночныя птицы,
Чтобъ разорить гнѣздо орла,
Птенца похитить у орлицы?...

Молчали грустно небеса.
Ночь выдать тайну не хотѣла
И, какъ горячая слеза,
Звѣзда вечерняя блестѣла.

И до утра средь дикихъ скалъ,
Съ тревожнымъ клекотомъ летая,
Въ тоскѣ орелъ его искалъ,
О камни крылья разбивая...

1932, мартъ.

НОЧЬ

Шуршанье листьевъ на кустахъ.
Росы сіянье на листахъ.
Поля въ лиловой мглѣ.
Безмолвье на землѣ...
Ночь равнодушная — ничья...
Луна вся въ серебрѣ.
Журчанье горнаго ручья.
Хрустъ хвороста въ кострѣ.

1934, іюнь.

Вѣтерочекъ по листочкамъ
Шелеститъ.
Лучъ играетъ по цвѣточкамъ
И блеститъ.
Рѣчку дѣвицы мосточкомъ
Перешли,
Спѣлыхъ ягодъ подъ кусточкомъ
Не нашли.
Пѣснь несется надъ лѣсочкомъ
Молодымъ.
Повязалась высь платочкомъ
Голубымъ.

1933, августъ.

СТАРАЯ СКАЗКА

Ночь. Зима. Безлюдно.
  Мальчикъ у окна.
За окномъ такъ чудно
  Елка зажжена!
Холодъ. Снѣгъ сверкаетъ.
  Вьюга. Недвижимъ
Мальчикъ замерзаетъ
  Подъ окномъ чужимъ,
Подъ сугробомъ вязкимъ.
  Старыя слова!...
Старая и сказка,
  Но всегда нова!...
И на насъ похожа
  Сказка та въ одномъ:
Мы стоимъ вѣдь тоже
  Подъ чужимъ окномъ.

1934, октябрь.

Опущенъ занавѣсъ... погашены огни...
Толпа растаяла, подобно сновидѣнью...
Остались пыльные обломки лишь одни —
Отъ яркаго, какъ сонъ, былого представленья...
Въ уборныхъ брошены небрежно парики
И вмѣсто локоновъ виситъ уныло пакля...
За пыльнымъ зеркаломъ проснулись пауки —
Конецъ безрадостный блестящаго спектакля...
Мышь осторожная, чуть пискнувъ подъ окномъ,
Въ коробку съ пудрою случайно забралася...
А подъ столомъ свѣтлѣютъ розовымъ пятномъ
Небрежно брошенныя туфли изъ атласа.
Пугаетъ темный залъ, какъ опустѣлый храмъ,
Въ которомъ некому въ молитву погрузиться...
Но эта ночь пройдетъ и снова пыльный хламъ,
Подъ звуки музыки, въ огняхъ преобразится...

Какъ этотъ темный залъ — душа моя мрачна...
Всѣ золотыя сновидѣнія изжила...
И неприкрашенную истину до дна
Жизнь безпощадная предъ нею обнажила.

1929, февраль.

На мигъ мы встрѣтились съ тобой
И, не взглянувъ въ глаза ни разу,
Вдаль, увлеченная толпой,
Ушла я, не дослушавъ фразу...

Но странно глубоко запалъ
Огонь невысказанной рѣчи...
Мой взглядъ вездѣ тебя искалъ...
Томила жажда новой встрѣчи.

Средь суетливой пустоты —
Лишь ты, мелькнувшій на мгновенье,
Сверкнулъ, какъ искра вдохновенья,
Иль воплощеніе мечты...

И въ сердцѣ вспыхнула тревога...
Вокругъ шумѣлъ блестящій балъ.
Мечту, сулившую такъ много,
Онъ равнодушно погребалъ.

1930, ноябрь.

ВЪ ТЕРЕМУ

Ясный мѣсяцъ ужъ давно
Заглянулъ въ мое окно.
Все заснуло... Я сижу
Нитку жемчуга нижу.
Тихо въ тѣсномъ терему...
Не скажу во вѣкъ ему,
Что, какъ вспомню я о немъ —
Щеки вспыхнуть вдругъ огнемъ.
Завтра станетъ мать просить
Гостю чару подносить.
Передъ нимъ въ недобрый часъ
Не поднять бы синихъ глазъ.
Самоцвѣтный, золотой
Сарафанъ парчевый мой.
Скатный жемчугъ нанижу
И на шею повяжу.
Стройной павою пройду,
Черной бровью поведу.
Опустивъ кайму рѣсницъ,
Передъ нимъ склонюсь я ницъ...
Ясный мѣсяцъ ужъ давно
Улыбается въ окно.

1930, февраль.

Тебя люблю я жизнь, тебя люблю земля!
Твоей весны люблю мгновенное цвѣтенье;
Моря шумящія и сонныя поля
И взлетъ нечаянный и горькое паденье...

Растенья яркія и блѣдные снѣга;
Мечты безумныя и гордое познанье...
Жизнь безполезная, ты такъ мнѣ дорога!
Грядущее пугаетъ разставанье.

Тебя познать хочу! Къ тебѣ мечтой стремлюсь!
Уйти на дно вѣковъ, въ безбрежности эфира,
Душей безсмертною — я, смертная, боюсь,
Хоть только вѣчность дастъ мнѣ ключъ къ разгадкѣ міра.

1934, іюль.

АМЕРИКѢ

По случаю принятія американскаго гражданства.

Въ былое мысли погружая,
Я пью живую горечь ранъ...
Прими меня, страна чужая,
Пришелицу изъ дальнихъ странъ!

Пришла я, голову понуря...
Такъ иногда, въ грозовой мглѣ,
Велитъ бездомной чайкѣ буря
Искать пріютъ на кораблѣ.

Измѣнитъ ли родной стихіи
Она за временный пріютъ?
Меня жъ отъ матери — Россіи
Какія бури оторвутъ?...

1929, сентябрь.

NEW—YORK'Y

Къ твоимъ камнямъ пригвождена,
Отравлена твоимъ дыханьемъ,
Растратить я принуждена
Дни, не согрѣтые вниманьемъ.

Здѣсь даже тусклый небосклонъ
Изъ-за камней почти не вижу.
Тебя — бездушный Вавилонъ,
Всѣмъ существомъ я ненавижу!

1934, іюль.

ПОЛУСОНЕТЪ

Слеза, сверкнувшая во взорѣ,
Стрѣлой каленой грудь прожгла...
Но кто былъ правъ въ неравномъ спорѣ —
Рѣшитъ Торпейская Скала

И если міръ двоимъ намъ тѣсенъ —
Взмахнутъ надъ бездной два крыла
Моихъ непрозвучавшихъ пѣсенъ...

1932, декабрь.

СЕМЬ МЕЧЕЙ

Какъ странно сердце очерствѣло.
Душа — холодная, какъ сталь.
Все, чѣмъ жила, все, чѣмъ болѣла —
Спалила жгучая печаль.

Не дамъ слезамъ и укоризнѣ
Испепелить напрасно грудь
О томъ, что потеряла въ жизни,
О томъ, что хочется вернуть.

Свою Судьбу я встрѣчу гордо...
Просить о счастьѣ не хочу
И, какъ послѣднiй стонъ аккорда,
На чуткихъ струнахъ замолчу...

Но не согнуть печали хмельной
Упрямо поднятыхъ плечей,
Хоть сердце ранено смертельно —
Въ него вонзились семь мечей.

EDELWEISS

На вершинѣ горы, въ царствѣ вѣчныхъ снѣговъ,
Одинокій цвѣтокъ распустился.
Выше тучъ грозовыхъ и сѣдыхъ облаковъ
Эдельвейсъ средь безмолвья молился,

Бѣлоснѣжные ввысь лепестки распростеръ,
Будто прочь отъ земли отрывался
И стремился туда, гдѣ надзвѣздный шатеръ
Безмятежно надъ нимъ разстилался.

Корабль мой выброшенъ на мель...
Темнѣетъ даль, бѣду тая...
Въ душѣ печали бродитъ хмель...
Кругомъ пустыня, ночь, да я...

Плывутъ чужіе корабли
Къ своимъ желаннымъ берегамъ
И таютъ въ призрачной дали,
Вѣрны надежнымъ парусамъ...

А я съ разбитымъ кораблемъ
Ввѣряюсь пѣнистой волнѣ...
Мечта — пусть будетъ мнѣ рулемъ
Къ недосягаемой странѣ.

1928, ноябрь.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ РѢШИЛЪ...

То не буря реветъ, то не волны шумятъ,
Разбѣжавшись мятежной лавиной —
Это говоръ людской, это чаши звенятъ:
Князь Владиміръ пируетъ съ дружиной.
Князю славу поютъ, соболями дарятъ,
Расточаютъ хвалу и привѣты.
То не искры блестятъ, то не звѣзды горятъ —
То въ одеждахъ горятъ самоцвѣты.
Изумрудъ, бирюза, жемчуга, янтари
На княгинѣ, гостяхъ и гусляхъ.
Медъ хмельной и вино подаютъ до зари
Въ золотыхъ и серебряныхъ чарахъ.
О походахъ своихъ вспоминаютъ бойцы;
Другъ предъ другомъ богатствомъ кичатся;
Всѣ они храбрецы, всѣ они удальцы;
Каждый хочетъ царить, величаться.
"Что на свѣтѣ милѣй и дороже всего:
Слава, почесть, богатство, побѣда?"
Князю въ очи глядитъ, ждетъ отвѣта его
Молодая княгиня Рогнѣда.
Передъ княземъ, кружась огневой чередой,
Чернокудрыя плѣнницы пляшутъ;
Чуть скользятъ по коврамъ, закрываясь фатой;
Рукавами прозрачными машутъ.

Что же князь пріунылъ, будто грустью томимъ?
Погруженный въ свои размышленья.
Славенъ онъ и могучъ и богатъ и любимъ,
А въ душѣ безпокойной томленье.
Не волнуетъ его споръ дружины хмельной;
Онъ веселья въ винѣ не находитъ.
Въ зачарованный садъ, озаренный луной,
Князь въ глубокомъ раздумьи выходитъ.
Шелеститъ вѣтерокъ по кустамъ и цвѣтамъ —

То Стри-богъ пролетѣлъ по дорогѣ.
Вся природа вокругъ, какъ божественный храмъ.
Ждетъ Сварогъ золотого Даж-бога.
Не Перуна-ль стрѣла сердце князя зажгла
Яркой грезой о греческой Аннѣ?
Но язычества мгла между ними легла,
Какъ свинцовый туманъ въ океанѣ.
Князь отъ бабки позналъ свѣтъ божественныхъ словъ;
Сердце слово Христа принимало;
Слушалъ рѣчи на дняхъ христіанскихъ пословъ
И сказалъ имъ: "Пожду еще мало."
Русь блуждающій челнъ средь бушующихъ волнъ;
Кто укажетъ ей путь средь простора?
Что позналъ русскій людъ, силъ недюжинныхъ полнъ?
Только битвы однѣ, да раздоры.

Серебрилась луна. Садъ дремалъ, тихъ и нѣмъ.
Несся издали говоръ безпечный.
"Что вся слава земли?" — думалъ князь —
"передъ тѣмъ,
Что найдемъ мы потомъ, въ жизни вѣчной?"

Счастье вѣчное есть только въ жизни иной...
Мы забыли въ пустомъ ослѣпленьи,
Что земное бытье — только сонъ золотой!
Все окончится прахомъ и тлѣньемъ...
Но безсмертна душа... Жизнь дана, чтобъ искать
Лишь путей для ея совершенства.
Нѣтъ, за призрачный сонъ неужели отдать
Безконечный покой и блаженство?
Что прекраснѣе словъ Іисуса Христа
О смиреньи, любви, всепрощеньи?...
Эта истина такъ глубока и чиста...
Князь рѣшилъ: "Русь пріиметъ крещенье."

1938, февраль.

На музыку М. М. Фивейскаго

Осенній вечеръ грустно догораетъ
И старый садъ мечтаетъ въ полуснѣ...
Въ аллеяхъ легкій вѣтеръ пробѣгаетъ
И гонитъ листья тополя къ соснѣ.

Колонны стройныя, широкія ступени,
Бѣлѣютъ призракомъ, неяснымъ, какъ туманъ
И статуя, склонившись на колѣни,
Глядитъ задумчиво въ заброшенный фонтанъ.

Какъ струйки весело въ немъ нѣкогда сверкали!
Садъ оглашали чьи-то голоса...
И чьимъ-то грезамъ нѣкогда внимали
Вотъ эти липы, эти небеса...

Скользили въ вальсѣ ножки по паркету,
Умѣя чье-то сердце чаровать...
Но гдѣ она, чью красоту поэты
Любили въ звонкихъ рифмахъ воспѣвать?...

Въ полночный часъ встаютъ воспоминанья...
То свѣтлой тѣнью что-то пробѣжитъ;
То вѣтерка осеннее дыханье
Въ старинномъ вальсѣ листья закружитъ.

1939, мартъ.

VALSE TRISTE

Слова на музыку Сибеліуса.

Ночь темна и холодна.
Спитъ больная... Тишина.
Сынъ надъ ней всю ночь рыдалъ
И усталый задремалъ...

Видитъ сквозь сонъ — будто свѣтъ загорается.
Слышитъ — мелодія вальса плыветъ...
Мать, вдругъ проснувшись, легко поднимается,
Движется въ ритмъ и кого-то зоветъ...
Странно ея одѣяніе бѣлое.
Краснымъ огнемъ освѣщается залъ...
Кто тамъ?... Приходятъ чредою несмѣлою
Тѣни на балъ...

Звуки волшебные льются.
Тѣни въ тактъ музыки вьются.
Тщетно мать ищетъ ихъ взгляды.
Призрачно вѣютъ наряды...

Пара за парой проходятъ кружась...
Проходятъ кружась...
Падаетъ навзничь она, истомясь...
(Восемъ тактовъ музыки безъ словъ.)
Тянетъ подъ дивные звуки,
Къ призракамъ блѣдныя руки...

Музыка громче... Пылаетъ сильнѣй
Отблескъ огней...
Снова встаетъ и танцуетъ быстрѣй —
Тѣни за ней...

Мчатся, кружась вереницы тѣней,
    Все горячѣй.
Въ вихрѣ безумномъ летитъ рой видѣній
    Огненный вихрь!
    Огненный вихрь!

Вдругъ испугались и замерли тѣни:
    Въ дверь чей-то стукъ:
    Стукъ!... Стукъ!... Стукъ!... Стукъ!

Дверь распахнулась... Померкнулъ свѣтъ бала...
Въ ужасѣ мать, закричавши, упала...
    Ночь темна... и холодна...
    Смерть явилась! Тишина...

1932, октябрь.

СЛАВА ПОЭТУ!

Слова на музыку Шуберта Ave Maria, —
По случаю столѣтія со дня смерти А. С. Пушкина.

Слава поэту! Слава въ вѣкахъ!
Вѣчно живому въ безсмертныхъ стихахъ.

Мы, преклонивъ свои колѣни,
Молитвы къ небу вознесемъ;
Пѣвцу безсмертныхъ вдохновеній
Хвалу безсмертную поемъ.

Слава поэту! Слава въ вѣкахъ!
Вѣчно живому въ безсмертныхъ стихахъ.

Среди томительныхъ скитаній
Намъ Пушкинъ радости даритъ;
Какъ Вѣчный Другъ онъ и въ изгнаньи
Насъ утѣшаетъ и бодритъ.

Слава поэту! Слава въ вѣкахъ!
Вѣчно живому въ безсмертныхъ стихахъ.

Хвала тебѣ, нашъ русскій геній,
Любимый сынъ родной земли,
Чрезъ рядъ ушедшихъ поколѣній,
Какъ солнце свѣтишь ты вдали.

Слава поэту! Слава въ вѣкахъ!
Вѣчно живому въ безсмертныхъ стихахъ.

1937, январь.

Въ холодномъ и бездушномъ мірѣ
Несправедливости и зла —
Не мнѣ играющей на лирѣ,
Искать пріюта и тепла.

Темна пустынная дорога.
Никто не слышитъ пѣснь мою...
Никто не знаетъ, кромѣ Бога,
Какъ я ждала отъ жизни много,
Какую боль въ душѣ таю...
И я, закрывъ глаза, пою...

А истомитъ когда путь дальній, —
То на послѣднюю струну
Склонюсь я головой печальной
И нищей средь дорогъ усну.

1936, январь.

СНѢЖНОЕ ВОСПОМИНАНЬЕ

Въ январѣ ударили морозы
И сгущая призрачную мглу,
Ледяныя лиліи и розы
На окнѣ рисують по стеклу.

Я сегодня рано, рано встану.
Отъ мерцанья снѣжнаго блѣдна,
Поклонюсь жемчужному туману
И безшумно сяду у окна.

Чуждыхъ улицъ бѣлыя дороги
Рой снѣжинокъ пышно порошитъ.
Гдѣ-то ты, мой уголокъ убогій,
Отчій домъ, затерянный въ глуши?...

Ужъ давно лачужка развалилась,
Лишь поетъ по-прежнему тайга
Сѣдиной угрюмою покрылась...
А вокругъ: снѣга, снѣга, снѣга...

Тамъ когда-то въ дѣтствѣ я, бывало,
Изъ тайги взбѣгала на крыльцо,
А метель со свистомъ бушевала,
Обжигая хлопьями лицо.

Ночью, шаль накинувши на плечи,
Я мечтать любила на крыльцѣ.
Надо мной горѣли звѣзды-свѣчи...
Лѣсъ темнѣлъ въ топазовомъ вѣнцѣ.

Тамъ теперь суровые морозы
По тайгѣ и стонуть и скрипятъ.
Ледяныя лиліи и розы
Средь озеръ завороженныхъ спятъ

Жемчуга, опалы разсыпая.
Какъ царевна спящая нѣма,
Серебромъ, алмазами сверкая —
Тамъ державно властвуетъ зима.

Все фатой вѣнчальной покрывая,
Царство сновъ торжественно хранитъ.
Вьюга пѣснь уныло напѣвая,
Ледяными струнами звенитъ.

Надъ хрустально-снѣжнымъ покрываломъ,
Разметавъ туманы-кружева,
Ты поешь-ли вьюга о бываломъ,
О мечтѣ, которая жива?...

1937, январь.

ШЕПОТЪ БЕРЕЗЪ

Подъ березкой стройной, у ручья мечтая,
Я въ травѣ лежала въ ясный лѣтній день.
Листья шелестѣли и въ лучахъ блистая,
На меня бросали трепетную тѣнь.

А вокругъ шумѣли птицы и стрекозы.
И отъ шаловливыхъ вздоховъ вѣтерка
Сказки мнѣ шептали ласково березы
И журчали звонко струйки ручейка.

Вѣчно онъ со мною, серебристый шепотъ,
Въ сердцѣ затаился гдѣ-то въ глубинѣ.
То звучитъ молитвой, то какъ смутный ропотъ
И на что-то грустно жалуется мнѣ.

1937, мартъ.

СИРЕНЬ

Я была холодна до конца,
Той душистой и теплой весной.
Ты меня проводилъ до крыльца
И безмолвно простился со мной...

И когда за угломъ твоя тѣнь
Повернула, исчезнувъ изъ глазъ —
За рѣшеткой ограды, сирень
Сладкимъ запахомъ въ сердце впилась.

Гроздь сирени коснулась лица,
Поцѣлуемъ скользнувъ по устамъ
И казалось не будетъ конца
Свѣтлой юности, счастью, цвѣтамъ!

1930, январь.

МАРТЪ

Ты, мѣсяцъ моего рожденья,
Измѣнчивый, капризный мартъ,
Несешь природы пробужденье,
Волненье, шалость и азартъ.

То вдругъ повѣешь лаской нѣжной
Ты по весеннему блестя.
То вдругъ метелицею снѣжной
По степи стелешься, свистя.

То хмуришься, а то смѣешься...
Твоимъ причудамъ нѣтъ конца
И не замѣтно вдругъ вольешься
Весенней радостью въ сердца.

АПРѢЛЬ

Идетъ красавица весна!
О ней поютъ лѣса, поля
И пробуждается отъ сна
Завороженная земля.

Въ зеленомъ отблескѣ кустовъ,
Въ дыханьи свѣжемъ вѣтерка —
Таится первый жизни зовъ,
Ея привѣтъ издалека.

Безоблачна и весела
Раскинулась лазурь небесъ.
Незримые колокола
Поютъ душѣ: "Христосъ Воскресъ!"

И расцвѣтающій просторъ
Объятъ предчувствіемъ чудесъ.
Душа вступаетъ въ свѣтлый хоръ:
"Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!"

1934, апрѣль.

МАЙ

Веселый май,
Кудрявый май,
Смѣющiйся!

Душистъ твой вздохъ,
Какъ вѣтерокъ
Несущiйся.

И старъ и младъ
Тебѣ такъ радъ.
Все ожило...

И солнце вдругъ
Цвѣты вокругъ
Размножило.

Насъ веселя,
Зовутъ поля
Зеленыя

И какъ роса,
Блестятъ глаза
Влюбленные.

1927, май.

ІЮНЬ

Мелькаютъ дни, смѣняя сны
И пѣсни звонкія поэта.
Ужъ нѣтъ обманчивой весны —
На смѣну ей подходитъ лѣто.

Цѣлуя юные ростки,
Лучъ солнца радостно блистаетъ.
Отцвѣтшихъ вишенъ лепестки
Летятъ въ траву жемчужной стаей.

Деревья, пышно распустясь,
Сплетаютъ кружево вѣтвями,
Въ травѣ душистой шевелясь
Разноузорными тѣнями.

1927, іюнь.

ІЮЛЬ

Упоительный
Ослѣпительный
Блещетъ день.
Всюду радостно
Манитъ сладостно
Свѣтъ и тѣнь.
Веселъ птичій гамъ...
По лѣсамъ, лугамъ
Голоса.
Будто новыя
Бирюзовыя
Небеса;
За осокою
Невысокою
Дремлетъ прудъ,
Отражающій
Ивъ мерцающій
Изумрудъ.
И цвѣты цвѣтутъ
Въ полѣ тамъ и тутъ,
Но не такъ,
Какъ въ лѣсу родномъ
Яркимъ цвѣлъ пятномъ
Пышный макъ!
И не такъ душистъ
Въ полѣ каждый листъ,
Каждый кустъ...
И просторъ полей
Для души моей
Странно пустъ.

1932, іюль.

АВГУСТЪ

И вотъ предвѣстникъ осени — ужъ августъ золотой,
Съ листвою опаленною, но все еще густой.
Короче дни становятся и вечера длиннѣй
И ночи по осеннему прохладнѣй и темнѣй.

Осеннимъ вѣтромъ сорванный и сладостно душистъ,
Ужъ на тропинку падаетъ, кружась, янтарный листъ.
Уже не такъ заливчато въ травѣ поетъ сверчекъ
И рѣже загорается безшумный свѣтлячекъ.

Прозрачными медузами наполнился заливъ,
Какъ будто засыпающій въ объятьяхъ томныхъ ивъ.
Хоть все еще по-лѣтнему истомой дышетъ садъ,
Но осень золотитъ уже кой-гдѣ его нарядъ.

1927, августъ.

СЕНТЯБРЬ

О чемъ вы рыдаете, скрипки осеннія,
Въ аллеяхъ заброшенныхъ стараго парка?
Какъ будто хороните грустно мгновенія,
Какъ сонъ промелькнувшія быстро и ярко.

Сентябрскіе листья повсюду разносятся
Съ усталою жалобой въ тихомъ шуршаньи.
Вѣтвями безлистными къ небу возносятся
Молитвы осеннія, пѣсни прощанья...

Печаль умиранія... Краски послѣднія
Лучами закатными вспыхнули ярко.
Рыдаютъ беззвучныя скрипки осеннія
Въ аллеяхъ заброшенныхъ стараго парка.

1927, октябрь.

ОКТЯБРЬ

Осень мудрая,
Молчаливая,
Златокудрая
Горделивая.

Ночи темныя,
Безконечныя
И бездомныя
Тучи вѣчныя,

Невеселыя
И дождливыя.
Вѣтки голыя,
Сиротливыя.

Обнаженныя
Дали хмурыя
И сожженныя
И понурыя.

1935, октябрь.

НОЯБРЬ

Въ ноябрѣ есть покой отреченности...
Сброшенъ на земь увядшій нарядъ
И въ лѣнивой, нѣмой утомленности
Голыхъ вѣтокъ склоняется рядъ.

Не печалитъ ничто и не радуетъ.
Все проходитъ... и пусть! — Все равно...
А на родинѣ дальней ужъ падаетъ
Снѣгъ пушисто-лебяжій, давно.

Спятъ долины снѣгами покрытыя
И вершины сѣдѣющихъ горъ...
Дѣдъ-Морозъ шепчетъ сказки забытыя
И рисуетъ на стеклахъ узоръ.

1931, ноябрь.

ДЕКАБРЬ

Тамъ, за моремъ, въ декабрѣ
Все въ снѣгу, какъ въ серебрѣ.
Санки по снѣгу скрипятъ,
Колокольчики звенятъ.

Вьюга всюду снѣгъ пушитъ.
Путникъ, спрятавъ носъ, спѣшитъ;
Бѣлый иней на кудряхъ,
На рѣсницахъ и бровяхъ.

Сбросилъ лѣсъ давно листву,
Нарядившись къ Рождеству
Въ бѣлоснѣжный свой нарядъ,
Тихо радующій взглядъ.

...Изъ-за сѣверныхъ морей
Принеси мнѣ поскорѣй,
Сѣдовласый Дѣдъ-Морозъ,
Запахъ елокъ и березъ.

И хотя бы въ сладкомъ снѣ
Снова дай услышать мнѣ
Пѣсни вьюжныя лѣсовъ,
Звукъ родимыхъ голосовъ,
Дальній звонъ колоколовъ!...

1931, декабрь.

УМОЛКЛИ СТРУНЫ...

Умолкли струны лиры томной.
Въ аккордѣ страстномъ не дрожатъ...
Листы исписанные, скромно
Полузабытые лежатъ
Въ пыли... Часы остановились...
Забытъ непонятый поэтъ.
Стихи мои! Зачѣмъ явились
Незванные на этотъ свѣтъ?...

1935, ноябрь.

На лицо надвигается тѣнь...
Опустились усталыя вѣжды.
На груди увядаетъ сирень,
А въ душѣ увядаютъ надежды.

Пусть огнями залитъ бальный залъ —
Мнѣ не весело въ немъ, не уютно.
Мнѣ холодный твой взглядъ разсказалъ
То, что сердце почуяло смутно...

И въ широко открытомъ окнѣ,
Померещилось въ зелени сосенъ —
Будто крадется тихо ко мнѣ,
Въ ночь весеннюю, хмурая осень.

1931, май.

Ты пришла ко мнѣ весною...
Помнишь: пташекъ рѣзвыхъ стая
Щебетала надо мною...
Ты пришла ко мнѣ весною,
Въ утро мая.

Ты была со мной въ іюлѣ...
Помнишь: пышно разодѣты,
Рощи въ зелени тонули...
Ты была со мной въ іюлѣ...
Жаркимъ лѣтомъ.

Ты ушла въ осенній вечеръ...
Помнишь: желтый листъ лѣнивый
На понурыя палъ плечи...
Ты ушла въ осенній вечеръ...
Сиротливый.

1930, мартъ.

Боль сновидѣній неповторимыхъ
Въ дыханьи лилій и блѣдныхъ розъ.
Блестятъ росинки изъ ранъ незримыхъ,
Изъ ранъ печали — росинки слезъ.

Я брошу въ пыль ихъ — пусть увядаютъ!
И пыль пусть выпьетъ росинки-кровь...
И вмѣстѣ съ ними пусть умираетъ
Мечта поэта, мечта-любовь...

И пусть угаснутъ воспоминанья,
Какъ стрѣлы молній минувшихъ грозъ.
О, сколько грусти въ цвѣтахъ прощанья,
Въ дыханьи лилій и блѣдныхъ розъ.

1928, апрѣль.

СОЛОВЕЙ И ОХОТНИКЪ

Ночь, луна и цвѣты. Въ изумрудѣ вѣтвей,
Закрывая глаза въ упоеньи,
Розѣ пѣсни поетъ до утра соловей
И мечтаетъ въ бреду вдохновенья...

Но охотникъ вдали услыхалъ соловья
И внимая ему въ восхищеньи,
Онъ, дыханье въ груди глубоко затая,
Началъ красться къ нему легкой тѣнью.

Льется пѣсня хвалою грядущему дню...
Но охотникъ къ пѣвцу руки тянетъ...
Берегись соловей! Попадешь въ западню
И мечты лучезарной не станетъ.

1937, мартъ.

Смѣяться мнѣ иль плакать, я не знаю
И потому, не плача, не смѣясь,
Твой образъ милый я воображаю...
Чего то жду, ликуя и боясь.

Какъ будто я, молившаяся въ храмѣ,
Уйдя на мигъ отъ строгой тишины,
Задумчиво, съ поникшими крылами,
Стою у вратъ сіяющей весны.

Согрѣтая весенними лучами,
Смотрю на игры свѣта и тѣней,
Не раскрывая крыльевъ за плечами
И не сходя съ холодныхъ ступеней.

Страданьемъ-ли, блаженствомъ иль печалью
Я назову пѣснь вѣщую свою?
Предъ бездною иль солнечною далью
Я, затаивъ дыханіе, стою?

ПРАЗДНИКЪ ВАКХА

Тимпаны, бубны сильнѣй звените!
Звучите громче аккорды лиръ!
Сегодня будней порвались нити —
Сегодня Вакха веселый пиръ!

Онъ врагъ унынья, оковъ и плѣна.
Забавъ и хмеля онъ властелинъ.
Вино сверкаетъ. Клубится пѣна.
Веселья крики среди долинъ.

Срывайте гроздья! Несите чаши!
Гирляндой гибкій обвейте станъ!
Силенъ, шатаясь, съ бокаломъ пляшетъ,
Безумно веселъ, смертельно пьянъ.

Въ его сѣдинахъ алѣютъ розы,
Какъ въ снѣжныхъ хлопьяхъ горитъ закатъ.
Прозрачно рдѣютъ на солнцѣ лозы.
Играя, нимфы рвутъ виноградъ.

Сатировъ, фавновъ поютъ цѣвницы,
Зовутъ къ веселью своей игрой.
Вотъ Бахусъ юный! Вкругъ колесницы
Несется въ пляскѣ вакханокъ рой.

Сплелись руками. Змѣятся станы.
Кружатся вихремъ, сильнѣй, сильнѣй!
Играютъ бубны, звенятъ тимпаны.
Въ честь Вакха гимны звучатъ пьянѣй.

Что въ мірѣ ярче, что въ мірѣ краше
Весны и солнца, искусствъ и грезъ
Въ нихъ расцвѣтаютъ надежды наши
И въ нихъ забвенье отъ бурь и грозъ.
Эванъ, эвое! Налейте чаши!
Вѣнки сплетайте изъ яркихъ розъ!

1934, апрѣль.

АНЕМОНЫ

На поляхъ расцвѣли анемоны,
Чуть качаясь подъ вѣтра напѣвъ;
Аметистовый вѣнчикъ короны
Торжествующе къ солнцу воздѣвъ.

Красновато-лиловымъ отсвѣтомъ
Каждый вѣнчикъ къ себѣ призывалъ.
Забрела я сюда за отвѣтомъ
На загадку, что ты загадалъ.

Птицъ и пчелокъ весенніе звоны
Разгоняютъ безслѣдно печаль.
"Для тебя расцвѣли анемоны!.."
Мнѣ поетъ лучезарная даль.

1937, апрѣль.

1937 ГОДЪ

Старый годъ — это старыя раны...
Это слезы, обиды, печаль...
Пусть растаютъ, какъ утра туманы
И уйдутъ въ безвозвратную даль...
  Новый Годъ встрѣчу новою пѣсней!
Новый Годъ встрѣчу новой мечтой!
Пусть онъ будетъ свѣтлѣй и чудеснѣй,
Пусть сіяетъ, какъ лучъ золотой,
Годъ невѣдомый, тридцать седьмой.

СТАРЫЙ ГОДЪ

Новый Годъ я жду тревожно:
Что-то мнѣ онъ принесетъ?...
Старый Годъ кричитъ: "Все ложно!"
Бородой сѣдой трясетъ.

Вотъ идетъ уже годъ новый.
Засверкалъ огнями залъ.
"Не отдамъ тебя!" сурово
Старый Годъ тогда сказалъ

И рукой костлявой крѣпко
Сердце трепетное сжалъ
И прицѣливаясь мѣтко
Глубоко вонзилъ кинжалъ.

"Отпусти старикъ, мнѣ больно!"
"Сердце я возьму съ собой" —
Отвѣчаетъ онъ — "невольно
Примиришься ты съ Судьбой!"

"Нѣтъ, прощай! Я рану скрою
И безъ сердца буду жить.
За тобою дверь закрою,
Чтобъ не помнить, не тужить...

Слышишь звонкія фанфары?
Видишь счастья новый свѣтъ?.."
"Ложно все!" — смѣется старый —
"И безъ сердца счастья нѣтъ!"

1935, декабрь.

ТАНГО

Насъ было двое: ты и я.
Пускай вокругъ толпа шумѣла —
Душа не слышала моя
И пѣснь безъ словъ ликуя пѣла.

Мерцали предо мной глаза,
Какъ въ звѣздахъ небо голубое,
Но отдаленная гроза
Ужъ обрекала насъ съ тобою...

Мы были двое: ты и я...
Моя рука въ твоей лежала,
Но грусти тайная змѣя
Два сердца безпощадно сжала.

Я къ темнымъ берегамъ плыла,
Скользя съ тобой въ танго испанскомъ.
До дна запретный ядъ пила,
Познанія добра и зла,
Изъ чаши съ искристымъ шампанскимъ.

Пусть это былъ короткій мигъ,
Но слѣдъ онъ пламенный оставилъ...
И все, чѣмъ ты себя прославилъ,
Все то, что въ жизни ты достигъ —
Въ тотъ мигъ судьбѣ ты предоставилъ!

БЫВАЮТЪ ДНИ...

Бываютъ дни... бываютъ въ жизни встрѣчи
Неясныя, какъ призрачные сны,
Какъ въ мглѣ церквей мерцающія свѣчи,
Какъ въ мглѣ ночной невѣрный свѣтъ луны.

Сгоритъ свѣча... и станетъ въ тихомъ храмѣ
Таинственнѣй, пустыннѣй и темнѣй...
Зайдетъ луна, скользя за облаками,
И станетъ ночь мрачнѣй и холоднѣй...

Но остается слѣдъ неизгладимый
Въ душѣ, навѣкъ разставшейся съ мечтой...
Святой мечтой, такой неповторимой,
Какъ образъ самый близкій и любимый,
Вдругъ отнятый бездонной пустотой...

1937, январь.

ПОЕДИНОКЪ

Безъ колебаній и заминокъ,
Грусть спрятавъ гдѣ-то въ глубинѣ,
Я выхожу на поединокъ.
Ты первый бросилъ вызовъ мнѣ.

Приподними на мигъ забрало;
Въ глаза мнѣ прямо погляди!
Зачѣмъ копье затрепетало?
Иль что-то дрогнуло въ груди?

Я безъ оружья на аренѣ
Стою, осмѣяна толпой.
Твой конь, раздувши ноздри, въ пѣнѣ,
Копытомъ бьетъ передо мной.

Изъ золота твоя кольчуга.
На сбруѣ блескъ цвѣтныхъ камней.
Изъ заколдованнаго круга
Живой едва-ли выйти мнѣ...

Но ты, съ улыбкой горделивой
Любуясь кованнымъ щитомъ,
Забылъ, соперникъ мой счастливый,
О томъ, что я сильна стихомъ!

И что мой конь — Пегасъ крылатый,
Что пѣсни — щитъ мой и копье —
Сильнѣй, чѣмъ золотые латы
И все величіе твое!

Тебя вѣнчаютъ, какъ кумира —
Поэтъ, по волѣ Бога, я!...
И отразить сумѣю лирой
Ударъ тяжелаго копья.

Завѣтнымъ пѣснямъ звѣзды внемлютъ
И вѣчность слушаетъ меня!...
Не сбросишь ты меня на землю! —
Скорѣе самъ слетишь съ коня!

1937, май.

ВѢЧНОЕ... ЗЕМНОЕ...

Уйдешь, иль ушелъ ты — не все-ли равно!
Съ тобою я всюду, съ тобой я давно.
Признайся себѣ ты, что не было дня,
Когда бы не помнилъ, не зналъ ты меня.
Нѣмые цвѣты неразлучны съ весной...
Я вѣчно съ тобою, ты вѣчно со мной,
Какъ кружево пѣны съ бѣгущей волной,
Какъ солнце вѣками блуждаетъ съ луной.
Когда ты былъ кедромъ — я гибкимъ плющемъ
Тебя обвивала зеленымъ плащемъ.
Съ разсвѣтомъ — росою. Въ ночи — огонькомъ,
А съ вязкимъ болотомъ — болотнымъ пенькомъ.
Ласкалась къ тебѣ я — волной къ кораблю,
Въ прибоѣ волны я шептала "люблю..."
Пучиной звала на глубокое дно,
Чтобъ слиться на вѣки съ тобою въ одно.
Лѣсною прохладой тревожно дыша,
Русалочьимъ вздохомъ звала въ камышахъ.
Старинная, вѣчно рожденная вновь, —
Всегда я съ тобой, какъ мечта иль любовь.
Повсюду я тѣнью пойду за тобой...
То зовомъ беззвучнымъ, то смутной мечтой.
Незримымъ плющомъ вкругъ тебя обовьюсь
И музыкой словъ въ твое сердце вольюсь.

1929, іюнь.

ВѢТЕРЪ

Степь, да вѣтеръ...
Небо сине...
Ты лишь вѣтеръ
Другъ мой нынѣ.

Коли веселъ —
Ты порхаешь
И былинки
Всѣ ласкаешь.

Коль сердитый —
Ломишь сучья,
Гнешь деревья,
Гонишь тучи.

Ты все ищешь.
Всюду бродишь.
Будто счастья
Не находишь.

Запоемъ же
Пѣсню звонко
И помчимся
Мы сторонкой

Изъ распутья.
На дорогу.
Прямо къ солнцу!
Прямо къ Богу!

1939, январь.

Я у воротъ стучу: “Впусти!
Впусти меня въ свои владѣнья!
Въ послѣдній разъ молю: прости
Слѣпого сердца заблужденья!
Они, какъ утренній туманъ,
Растаяли, проплывши мимо.
Вернулась я изъ дальнихъ странъ,
Въ чужихъ краяхъ судьбой гонима.
Впусти же, другъ!”... Подходитъ ночь.
Мой зовъ не достигаетъ слуха...
Я отхожу понуро прочь
Туда, гдѣ волны бьются глухо;
Гдѣ ожидаютъ корабли,
Съ надеждой къ берегу причаливъ...
Но съ обѣтованной земли
Я уношу однѣ печали...
Я на корабль вступаю вновь
И, натянувши парусъ рваный, —
Плыву въ невѣдомыя страны...
Прощай мечта! Прощай любовь!
Привѣтъ вамъ, пѣсни океана!
Рветъ вѣтеръ парусъ корабля,
Напѣву волнъ мятежно вторя.
Стою въ раздумьи у руля,
Одна въ пугающемъ просторѣ.
Плыву безъ цѣли и преградъ...
И слышу въ сумракъ безпріютный:
“Вернись!” — призывъ несется смутный...
Но поздно... Повернуть назадъ
Мнѣ вѣтеръ не даетъ попутный.

1937, ноябрь.

Гляжу въ печальные глаза,
Единственные въ этомъ мірѣ.
Взглядъ затуманила слеза,
Но бездна между нами шире...

Молчишь ты съ плотно сжатымъ ртомъ.
Я плачу, опустивши вѣки...
Но эти слезы не о томъ,
Что разстаемся мы навѣки...

Не оттого, что нѣтъ для насъ
Обоихъ мѣстъ на званномъ пирѣ...
Но оттого, что только разъ
Живемъ мы въ этомъ странномъ мірѣ!...

1939, мартъ.

ПОЛУСОНЕТЪ

Ночныя тѣни смѣнитъ свѣтъ
И небеса изъ перламутра
Блеснутъ опять улыбкой утра,
Но только вамъ расцвѣта нѣтъ,

* * *

Цвѣтамъ весны, грозой побитымъ,
Промчавшихся, лазурныхъ лѣтъ
Весеннимъ снамъ полузабытымъ!...

1932, декабрь.

НАДЪ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДЬЮ...

Погасъ каминъ. Ни свѣта, ни тепла...
По согнутой спинѣ прохлада пробѣгаетъ...
Не вспыхнетъ вновь остывшая зола
И ночь грядущая тревожитъ и пугаетъ...

Но мнѣ не жаль обманчивыхъ огней...
О, дай мнѣ на твои истлѣвшія страницы,
Тетрадь моя, подруга грустныхъ дней,
Усталой головой въ послѣдній разъ склониться.

1934, апрѣль.

ВЪ ХРАМѢ

Огнемъ свѣчей сіяетъ храмъ...
Святые лики просвѣтленно
Глядятъ изъ золоченыхъ рамъ.
"О, Господи! Явися намъ!"
Молю колѣнопреклоненно...

Неслись молитвы къ небесамъ,
А дымъ кадильный къ образамъ,
Клубясь, безмолвно Бога славилъ
"О, Господи! Явися намъ!
Зачѣмъ людей и міръ оставилъ?..."

1940, январь.

ВАМЪ...

Устала я глядѣть безмолвно,
Какъ гибнутъ царства и міры...
Какъ ложь и злоба хладнокровно
Справляютъ мрачные пиры.

Во мглѣ скитанія безслѣдно
Мои теряются пути,
Но въ станъ пирующихъ побѣдно,
О, нѣтъ! Я не хочу идти.

И воспѣвать побѣды ваши
На лирѣ мнѣ не суждено.
Не стану пить изъ вашей чаши:
Въ ней кровь и слезы!... не вино.

Гляжу, безмолвно вопрошая,
Укоромъ пламеннымъ полна:
Не слишкомъ-ли цѣна большая
За ваше счастье отдана?

1939, январь.

ТЕБѢ...

Съ душой, печалью опаленной,
Не въ силахъ ужасъ превозмочь —
Я слышу стонъ твой отдаленный
И не могу тебѣ помочь!...

Тяжелый кресть тебѣ докуда
Страдалецъ суждено нести?
Не вѣдаю, какое чудо
Тебя сумѣло бы спасти?

Потомокъ витязей былины,
Теперь, въ тискахъ коварныхъ силъ,
Ты снѣгъ и льды лихой чужбины
Своею кровью оросилъ.

Судьбѣ предательской покорный
И на глазахъ бездушныхъ странъ,
Ты гибнешь Авель безпризорный,
Весь красный отъ кровавыхъ ранъ.

Нѣтъ! Ты, такъ міру давшій много,
Кто такъ творить и мыслить могъ,
Народъ, въ душѣ носящій Бога —
Ты не погибнешь! Съ нами Богъ!

1940, январь.

БРАТУ МОЕМУ...

Не плачь мой братъ, хоть жизнь къ намъ безпощадна.
Безплодною тоской себя не мучь,
Хотя вокругъ темно и безотрадно,
Хотя не видно солнца изъ-за тучъ...

Но ты крѣпись, расправивъ гордо плечи,
Чтобъ быть сильнѣй въ томительной борьбѣ,
Чтобъ при внезапной и коварной встрѣчѣ
Противиться предательской Судьбѣ.

Воспрянь же братъ! Глухихъ твоихъ рыданій
Не слышитъ міръ. Ему мы не нужны.
Въ огнѣ обидъ, несказанныхъ страданій —
Мы духъ и волю выковать должны.

Намъ мѣста нѣтъ въ огромномъ мірѣ этомъ...
Но мы найдемъ, коль Богъ и насъ создалъ!
Лишь ясный умъ разсѣялъ бы мглу свѣтомъ
И вѣрный путь намъ чутко указалъ.

1939, декабрь.

ПОЭТЪ И ЦЫГАНКА

Прологъ къ оперѣ С. В. Рахманинова
"Алеко"
Написанъ по просьбѣ Ф. И. Шаляпина

Дѣйствующія лица:

Алеко.
Земфира.
Молдаванка.
Офицеръ.
Старая цыганка.
Гости.

1822 годъ.

* * *

Весенняя южная ночь. Садъ. Лунный свѣтъ и тѣни деревьевъ ложатся на широкую террасу съ колоннами богатаго помѣщичьяго дома. Въ глубинѣ террасы, за стеклянными дверями, видѣнъ ярко освѣщенный залъ, гдѣ мелькаютъ танцующія пары.

Слышатся звуки оркестра.

Справа, изъ сада, появляется Алеко и быстро взбѣгаетъ на ступени террасы, но внезапно останавливается у колонны въ раздумьи.

Алеко.

Зачѣмъ?.. Съ толпой смѣшаться праздной
Я не хочу!.. Какъ маскарадъ
Бездушной ложью безобразной
Ихъ жизнь отравлена... Назадъ,
Въ задумчивый весенній садъ,
Гдѣ помечтать въ тиши я радъ...

(Сходитъ со ступеней въ садъ).

Вздыхаетъ мирная аллея,
Въ спокойный сонъ погружена...
Завѣтную-ль мечту лелѣя,
Священной тишиной полна,
Безмолвно молится она?
Ея молитву не нарушу
Своей мятежною тоской...
О, ты, невѣдомый покой!
Сойди въ мятущуюся душу,
Утѣшь ее и успокой...
Она, какъ плѣнникъ, воли проситъ
И бьется связаннымъ крыломъ

(Откуда-то доносится отдаленный бой часовъ. Алеко прислушивается).

Косарь бездушный — время — коситъ
И не вздыхая о быломъ
Все въ даль туманную уноситъ...
Безцѣльные мелькаютъ дни,
Какъ таютъ въ сумеркахъ огни...

(Уходитъ налѣво, въ садъ. Стеклянныя двери широко раскрываются и гости выходятъ на террасу, обмахиваясь веерами. Нѣкоторые спускаются въ садъ. Другіе располагаются на террасѣ и обмѣниваются впечатлѣніями).

“Шумитъ веселье, словно море!”
“Кого сегодня только нѣтъ!”

"Вотъ это балъ!" — "Сегодня въ сборѣ
Весь Кишиневскій высшій свѣтъ!.."
"Вотъ Калипсо пришла гречанка,
Она красавицей слыла.
Любима Байрономъ была!..."
"Хозяйка дома, молдаванка,
Въ мужья поймала богача,
Немолодого человѣка...
Кровь молдаванки горяча —
Она тоскуетъ объ Алеко."
"Алеко — гость въ краяхъ чужихъ,
Богатъ, уменъ, талантливъ, знатенъ —
Онъ самый выгодный женихъ!
Его успѣхъ весьма понятенъ."
"Онъ пишетъ чудные стихи!..."
"Онъ ловко танцевать умѣетъ!.."
"Но у него есть и грѣхи..."
"Кто ихъ указывать посмѣетъ?..."
"Писать стихи умѣетъ онъ!
Конечно, мы такъ не напишемъ,
Но жалобы со всѣхъ сторонъ
Мы на его проказы слышимъ!.."
"Дуэли чуть не каждый день!.."
"Онъ всѣмъ дерзитъ, всѣхъ безпокоитъ."
"На дѣвушку набросить тѣнь
Повѣсѣ ничего не стоитъ..."
"Что афеистъ онъ и масонъ,
Ужель не вѣдаютъ дѣвицы?.."
"Вѣдь не напрасно выслан онъ!..
Сюда изъ Сѣверной столицы!.."
"Изгнанникъ съ береговъ Невы,
Онъ прожигаетъ жизнь безпечно,
Но не сноситъ ему конечно
Своей горячей головы!.."
"Мы здѣсь проспали бы полъ-вѣка,
Среди лѣнивыхъ южныхъ сновъ!..
Но вдругъ встряхнулся Кишиневъ, —

Насъ разбудилъ отъ сна Алеко!...”

(Изъ зала на террасу съ хохотомъ выбѣгаетъ молдаванка, жена хозяина дома и быстро спускается со ступеней въ садъ, преслѣдуемая офицеромъ, который едва поспѣваетъ за ней, нетвердо держась на ногахъ).

Офицеръ.
Мари, зачѣмъ-же такъ бѣжать?
Вы не дослушали всю фразу.

Молдаванка.
Ха-ха!.. Я догадалась сразу,
Что вы хотѣли мнѣ сказать.

Офицеръ.
Остановитесь на мгновенье!

Молдаванка.
Отстаньте!

Офицеръ.
Сжальтесь надо мной!

Молдаванка.
Чтобъ слышать тѣ же увѣренья?

Офицеръ.

(Съ преувеличеннымъ жестомъ):

Влюбленъ!

Молдаванка.
Шампанское виной!

Офицеръ.
Нѣтъ, кромѣ шутокъ, мнѣ обидно,
Что вы грустите о другомъ.

Молдаванка.
Вотъ новость!... я грущу... О комъ?

Офицеръ.

Да объ Алеко! Это видно...
Въ Алеко всѣ здѣсь влюблены
И наши дамы и дѣвицы.

Молдаванка.

Его умомъ ослѣплены!
Здѣсь, право нечему дивиться.

Офицеръ.

Онъ вольнодумецъ и бунтарь!

Молдаванка.

Ахъ, нѣтъ!

Офицеръ.

Онъ человѣкъ безъ правилъ,
Не признающій власти!.. Царь
За то въ нашъ край его отправилъ.

Молдаванка.

Нѣтъ, какъ мечтатель и поэтъ
Онъ слиться съ обществомъ не можетъ.
Зачѣмъ несправедливый свѣтъ
Злой клеветой его тревожитъ?
Онъ, равнодушный ко всему,
Живетъ, мечтая, въ звукахъ пѣсенъ,
А міръ дѣйствительный ему
Необъяснимо чуждъ и тѣсенъ,
Какъ узы пылкому уму.

Офицеръ.

Зачѣмъ же сердцу моему
Вы наложили узы эти?
Какъ все измѣнчиво на свѣтѣ!
Давно-ли вы наединѣ
Въ глаза глядѣли нѣжно мнѣ?
Теперь всѣ мысли о поэтѣ!

(Изъ глубины сада доносится голосъ Алеко,

напѣвающаго пѣсню. Молдаванка напряженно прислушивается къ нему. Замѣтивъ это, офицеръ, нахмурившись, уходитъ въ другую сторону сада).

(Съ лѣвой стороны сада, прямо черезъ перила, на террасу вскакиваетъ Алеко, шумно привѣтствуемый всѣми).

Всѣ.

А!!!...

Алеко.

Добрый вечеръ господа!

(Изъ зала выглядываютъ игравшіе въ карты и сидѣвшіе въ буфетной съ картами и бокалами въ рукахъ. Они зовутъ Алеко къ себѣ):

Всѣ

"Алеко, къ намъ! Сюда, сюда!..."

Алеко.

Благодарю, тамъ слишкомъ жарко!

(Хочетъ повернуть обратно, но навстрѣчу ему поднимается по ступенямъ терассы молдаванка, протягивая руку, которую Алеко цѣлуетъ).

Молдаванка.

Ахъ, наконецъ явились вы!

Алеко.

Я здѣсь гулялъ въ аллеяхъ парка,
Внимая шепоту листвы.

Молдаванка.

Пойдемте въ паркъ! Здѣсь слишкомъ шумно.

Алеко.

Простите, я искалъ какъ разъ
Толпы и шума.

Молдаванка.

Остроумно...

(Беретъ его подъ руку и ведетъ въ садъ).

Я такъ ждала, Алеко, васъ!

Алеко.

Я очень тронутъ.

Молдаванка.

Одиноко

Безъ васъ мнѣ было въ эту ночь.

Алеко.

Но гдѣ-же были мужъ и дочь?

Молдаванка.

Алеко, такъ шутить жестоко!

(Они садятся на скамьѣ, въ саду, около террасы. Остальные гости расходятся по парку. Нѣкоторые уходятъ въ домъ.

Къ нимъ подбѣгаетъ дѣвочка лѣтъ одиннадцати, съ обручемъ, который она катитъ передъ собой. Алеко обращается къ ней шутливо, но сдѣлавъ суровое лицо).

Алеко.

Марика, вы еще дитя,
Но вы ужасная кокетка!
Меня терзаете шутя,
Даря улыбки слишкомъ рѣдко!

Молдаванка.

Тебѣ давно пора бы спать.
Нельзя до полночи играть!

Алеко.

(Изобразивъ свирѣпую гримасу, беретъ дѣвочку за руку. Она молчитъ, опустивъ глаза и покраснѣвъ).

Я васъ, упрямая кокетка,
Заставлю улыбаться мнѣ!

(Дѣвочка испуганно вырывается и убѣгаетъ).

Молдаванка.

Вотъ мы теперь наединѣ...
Алеко, жгучей страсти жало
Нигдѣ покоя не даетъ.

Алеко.

Его бы вырвать не мѣшало.

Молдаванка.

Алеко, ваше сердце — ледъ!

Алеко.

Мари, у васъ ужъ дочь невѣста!
Въ дѣлахъ сердечныхъ уступить
Пора, не правда-ли? — ей мѣсто,
А вамъ покой свой сохранить.
Мари, не плачьте! Я не стою,
Ни слезъ, ни жалобъ, ни любви...
Мечты развѣялись весною,
А осенью ихъ не зови...
Мнѣ душно, тѣсно!... Надоѣли
Слова и пошлая любовь!...
Здѣсь только глупыя дуэли
Отъ скуки пробуждаютъ вновь.

(На террасу, изъ сада, поднимается офицеръ и въ открытыя двери зала обращается къ музыкантамъ).

Офицеръ.

Прошу, сыграйте вальсъ!

Алеко.

Кто это?

Молдаванка.

Не все-ль равно вамъ?

Алеко.

(Взбѣгаетъ на террасу и хлопая въ ладоши обращается къ музыкантамъ):

Нѣтъ, играть
Прошу мазурку!

Офицеръ (Вспыхнувъ)
Вальсъ!...

(Оркестръ играетъ мазурку. Разбредшіеся по саду гости, возвращаются въ залъ и танцуютъ мазурку. Алеко, спустившись съ террасы, приглашаетъ молдаванку танцевать, Но она отказывается. Оскорбленный офицеръ, нѣсколько мгновеній растерянно стоявшій на террасѣ, подходитъ къ нимъ):

Офицеръ.

Отвѣта
За дерзость, завтра буду ждать!

Алеко.

Къ услугамъ вашимъ!

Молдаванка.

Ради Бога,
Не затѣвайте лишнихъ ссоръ!

Офицеръ.

Онъ позволяетъ слишкомъ много
Себѣ!

Молдаванка.

Изъ-за чего весь споръ?
Не понимаю...

Офицеръ.

Этихъ франтовъ

Пора бы проучить давно!
Я завтра утромъ секундантовъ
Своихъ пришлю.

(Уходитъ. Молдаванка идетъ за нимъ, успокаивая его. Они уходятъ въ домъ. Алеко остается одинъ въ саду).

Алеко.

Не все-ль равно,
Погибнуть глупо на дуэли,
Или томиться длинный рядъ
Годовъ, безъ смысла и безъ цѣли?...
Пить нестерпимой скуки ядъ,
Внимать недружелюбнымъ сплетнямъ,
Любить неволю и тюрьму
И старцемъ умереть столѣтнимъ,
Давно ненужнымъ никому...
Въ душѣ младенческой когда-то
Я пѣсни райскія хранилъ...
Любви и дружбѣ вѣрилъ свято,
Мечтать о подвигѣ любилъ...
Такъ въ утро жизни въ сердцѣ бѣдномъ
Горѣла яркая мечта
О торжествѣ добра побѣдномъ...
И что-жъ осталось?.. Пустота!
Людей и жизнь извѣдавъ рано,
Утративъ радость бытія,
Какъ челнъ разбитый средь тумана —
Въ изгнаніи скитаюсь я...
И тѣ же берега увидѣлъ,
По прихоти слѣпой Судьбы,
Гдѣ нѣкогда бродилъ Овидій,
Гдѣ къ Августу онъ слалъ мольбы...
Не вѣрю я былымъ кумирамъ,
Не жду отъ жизни ничего...
Какъ духъ отверженный надъ міромъ —
Смотрю съ презрѣньемъ на него!

(Уходитъ въ глубь сада. Въ залѣ слышится шумъ и звонъ тамбуриновъ. Танцы прекращаются. Гости выходятъ на террасу и располагаются по сторонамъ ея).

Гости.

"Идутъ, идутъ сюда цыгане!
Въ одеждахъ красочныхъ своихъ,
Толпой веселой!..." —
"Мы заранѣ
Займемте мѣсто на диванѣ,
Чтобы поближе видѣть ихъ!..."
"По Бессарабіи кочуя,
Они приходятъ къ намъ весной
И вновь уходятъ въ степь, почуя
Въ срединѣ мая лѣтній зной."
"Они по улицамъ гуляютъ,
Водя медвѣдя на цѣпи"
"Прохожимъ иногда гадаютъ"
"Живутъ въ шатрахъ они, въ степи."
"Подходятъ къ окнамъ у окраинъ
И просятъ денегъ и сластей."
"Гостепріимный нашъ хозяинъ
Позвалъ ихъ веселить гостей."

(Цыгане съ шумомъ и звономъ выйдя изъ зала, останавливаются посрединѣ террасы въ живописной группѣ).

Цыгане.

Мы цыгане кочевые
Дѣти вольные степей!
Наши пѣсни огневыя
Прочь отгонятъ скуку дней!

Если другъ тебѣ измѣнитъ —
Ты не жалуйся Судьбѣ,
Перстенекъ твой перемѣнитъ
Скоро новый другъ тебѣ.

Плечи смуглыя обвяжетъ
Шалью красно-голубой,
О любви своей разскажетъ
И пойдетъ вслѣдъ за тобой!

Беззаботны мы, какъ птицы...
Что намъ буря, да гроза?
Не покатится съ рѣсницы
Непокорная слеза.

Мы, свободные цыгане,
Любимъ степи, да лѣса.
Наши стѣны — даль въ туманѣ,
Наша крыша — небеса!...

(Цыгане поютъ и танцуютъ. Алеко выходитъ изъ тѣнистой аллеи и садится на скамейку около террасы.

Молодая цыганка, все время кого-то искавшая глазами среди гостей, подкрадывается къ скамейкѣ, гдѣ сидитъ Алеко, погруженный въ думы).

Цыганка.

Такъ вотъ гдѣ онъ, красавецъ мой,
Кого я столько дней искала,
О комъ такъ пламенно вздыхала
Я у костра въ тиши степной!

Я встрѣтила его случайно
На улицѣ... И съ этихъ поръ
Его печальный, томный взоръ
Зажегъ мнѣ сердце страстью тайной.
Съ цыганами сюда пришла,
Въ надеждѣ незнакомца встрѣтить...
Его такъ трудно не замѣтить —
И наконецъ, его нашла!

(Цыгане протанцевали свой танецъ. Оркестръ въ залѣ заигралъ вальсъ и всѣ напра-

вились туда. Молодая цыганка подходитъ ближе къ Алеко. Они остались одни въ саду).

Ты ничего не замѣчаешь
Вокругъ, пригожій господинъ,
Скажи, о комъ же ты скучаешь?
Сидишь задумчиво одинъ...

Алеко.

(Окинувъ ее равнодушнымъ взглядомъ).
Я отъ тоски изнемогаю.
Готовъ бѣжать самъ отъ себя...

Цыганка.

(Садясь около него на скамейку):

Вотъ я тебѣ здѣсь погадаю,
Скажу, что въ жизни ждетъ тебя.

(Вынимаетъ изъ-за кушака карты и раскладываетъ на скамьѣ).

Безцѣльно молодость губя,
Ты...

Алеко.

(Небрежно смѣшивая всѣ карты):
Это мнѣ не интересно...

Цыганка.

(Собирая карты).
Не вѣришь картамъ, можетъ быть?
А между тѣмъ имъ все извѣстно!

Алеко.

(Задумчиво глядитъ на цыганку).

Хотѣлъ бы я такимъ же быть,
Какъ ты, наивнымъ и безпечнымъ
Чтобъ всѣ сомнѣнья позабыть
Въ степномъ скитаньи безконечномъ...

Цыганка.
Ты такъ прекрасенъ и уменъ,
А мы, цыгане, простодушны.

Алеко (Задумчиво).
За бѣгомъ наблюдать временъ
Безъ сожалѣнья, равнодушно...

Цыганка.
(Заглядывая ему въ глаза):
Тебя здѣсь держитъ кто-нибудь
Жена, быть можетъ, иль зазноба?

Алеко (Печально).
Никто...

Цыганка (Радостно).
Такъ мы свободны оба!
Пойдемъ же вмѣстѣ, другъ мой, въ путь!

Алеко (Удивленно).
Пойти съ тобой! (Встаетъ со скамейки, чтобы уйти).

Цыганка.
(Хватаетъ его за руку).
Постой!... Забудь,
Что русскій ты, а я цыганка!
Любить цыганку развѣ грѣхъ?
Языкъ любви одинъ для всѣхъ!
Нашъ таборъ завтра спозаранку
Уходитъ въ степь!... Пойдемъ со мной!
Какъ хорошо въ степи весной!
Какъ темной ночью звѣзды блещутъ!
Какъ у подножья дикихъ горъ
Струи Дуная сонно плещутъ...
Какъ зачарованный просторъ,
Дыханью вѣтерка внимая,
Ласкаетъ восхищенный взоръ!
Какая нѣга въ утро мая!

Дружна цыганская семья...
Ты полюбился мнѣ невольно...
Пойдемъ со мною въ путь привольный,
Гдѣ степь, да солнце!... Ты, да я!...

Алеко.

(Глядя на нее съ любопытствомъ).

А какъ зовутъ тебя?

Цыганка.

Земфира...
Въ степяхъ насъ ждутъ съ тобой шатры...
Для насъ, средь тишины и мира,
Горятъ полночные костры...
Гуляетъ вольный вѣтеръ въ полѣ,
Играя пламенемъ костровъ...
А здѣсь печальная неволя
Въ оковахъ душныхъ городовъ...

Алеко.

Да, ты права, дитя природы...

Цыганка.

Загубишь золотые годы...
А тамъ вернетъ твоя душа
Давно утраченную радость...

Алеко (Увлекаясь)

Въ твоихъ рѣчахъ такая сладость.
Земфира, какъ ты хороша!

(Беретъ ее за руку и смотритъ на нее съ восхищеніемъ).

(Гости расходятся. Залъ пустѣетъ. Съ террасы сходитъ старая цыганка).

Старая цыганка.

Пора, Земфира! Мы уходимъ.

Земфира.

(Радостно, старой цыганкѣ).

Я въ таборъ нашъ его возьму!
Онъ будетъ, какъ и мы, свободенъ!
Я пѣсни буду пѣть ему!
(Къ Алеко).
Нашъ таборъ завтра утромъ рано
Уходитъ въ степь... Тебя я жду
Въ шатрѣ у стараго цыгана
Отца...

Алеко.
Земфира, я приду.

Старая цыганка.
Ну, чтожъ, цыгане гостю рады.

Алеко.
Чрезъ многолѣтнія преграды
Привычекъ старыхъ перейду
И близь Земфиры обновленный,
Ея любовью окрыленный,
Быть можетъ счастье я найду!

Земфира.
(Уходя со старой цыганкой).

Прощай!... Тебя на утро жду!

(Онѣ уходятъ. Залъ опустѣлъ. Алеко остался одинъ въ саду, залитомъ луннымъ свѣтомъ. Слуги, думая, что всѣ ушли, тушатъ свѣтъ въ домѣ. Издали слышится цыганская пѣсня, постепенно замирающая вдали.

Алеко какъ будто дремлетъ, склонивъ голову на руки. Все затихаетъ. Слышится только, какъ гудитъ степь, какъ будто напѣвая печальную пѣсню или жалуясь кому-то...)

Занавѣсъ.

1935.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Съ чужихъ береговъ 5
Христосъ 6
Весеннее 7
Демонъ 8
Лунное 9
Душа и море 10
Шаляпинъ 11
На смерть Шаляпина 12
Видѣніе 13
Моя молитва 14
На мосту 15
Рождественскіе хороводы 16
Въ окно 17
Я не хочу искусственныхъ признаній . . . 18
Надъ грудой пепла 19
Пускай не здѣсь и не теперь 20
Pathetic Symphony 21
Молитва 22
Полусонетъ 22
Нэся 23
Въ вагонѣ 24
Если-бъ крылья были у меня 25
Лучъ послѣдній угасъ 25
На страстный мой призывъ 26
Чаша 27
Пусть въ тишинѣ оранжерей 28
Лучъ 28
Сегодня я останусь дома 29
Въ порывѣ страсти 30
Болотная лилія 31
Lone Eagle 32
Ночь 33
Вѣтерочекъ по листочкамъ шелеститъ . . . 33

Старая сказка 34
Опущенъ занавѣсъ... 35
На мигъ мы встрѣтились съ тобой 36
Въ терему 37
Тебя люблю я, жизнь 38
Америкѣ 39
New-York'y 40
Полусонетъ 40
Семь мечей 41
Edelweiss 42
Корабль мой выброшенъ на мель 43
Князь Владиміръ рѣшилъ... 44
На музыку М. М .Фивейскаго 46
Valse Triste 47
Слава поэту! 49
Въ холодномъ и бездушномъ мірѣ 50
Снѣжное воспоминаніе 51
Тамъ теперь суровые морозы 52
Шепотъ березъ 53
Сирень 54
Мартъ 55
Апрѣль 56
Май 57
Іюнь 58
Іюль 59
Августъ 60
Сентябрь 61
Октябрь 62
Ноябрь 63
Декабрь 64
Умолкли струны 65
На лицо надвигается тѣнь 65
Ты пришла ко мнѣ весною 66
Боль сновидѣній неповторимыхъ 67
Соловей и охотникъ 68
Смѣяться мнѣ иль плакать 69
Праздникъ Вакха 70
Анемоны 71

1937 годъ 71
Старый годъ 72
Танго 73
Бываютъ дни 74
Поединокъ 75
Вѣчное... Земное... 76
Вѣтеръ 77
Я у воротъ стучу 78
Гляжу въ печальные глаза 79
Полусонетъ 79
Надъ сожженной тетрадью 80
Въ Храмѣ 80
Вамъ 81
Тебѣ... 82
Брату моему... 83
Поэтъ и цыганка 84

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ О ПОЭЗІИ
ЛИДІИ НЕЛИДОВОЙ—ФИВЕЙСКОЙ

Ф. И. Шаляпинъ: "Какъ хорошо, какъ внятно и талантливо! Браво, браво!"

С. В. Рахманиновъ: "Ваша поэма "Невольникъ Чести" мнѣ очень понравилась..."

С. И. Гусевъ-Оренбургскій: "Мнѣ нравится вашъ языкъ, ваша манера подходить къ переживаніямъ."

Г. Д. Гребенщиковъ: "Невольникъ Чести" настоящее пріобрѣтеніе русской литературы."

Б. В. Сергіевскій: "Очень рѣдко какіе бы то ни было стихи доставляли мнѣ такое истинное эстетическое наслажденіе..."

М. М. и В. П. Фокины: "Мы оба любимъ "Невольника Чести", много разъ его читали и удивляемся, какъ вы проникли въ душу Пушкина."

Проф. Отто Петерсонъ:"Да здравствуетъ русскій соловей!..."

А. Т. Гречаниновъ: "Изящную поэму вашу о судьбѣ обожаемаго всеми намп Пушкина прочелъ съ большимъ удовольствіемъ."

Евгеній Чириковъ: "Л. Я. Нелидова-Фивейская — поэтъ съ Божіей искрой, съ темпераментомъ, съ фантазіей и образностью."

На складѣ К-ва АЛАТАСЪ имѣются

прежде изданныя книги

ЛИДІИ НЕЛИДОВОЙ—ФИВЕЙСКОЙ

Амер. долл.

ПОДСНѢЖНИКИ —
Первый сборникъ стихотвореній 0.75

НЕВОЛЬНИКЪ ЧЕСТИ —
Поэма. *Второе изданіе* 0.50

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ —
Драматическій этюдъ въ стихахъ, въ одномъ дѣйствіи изъ легенды о Сибирскомъ Старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ 0.25

Только что вышла въ свѣтъ книга:

СЪ ЧУЖИХЪ БЕРЕГОВЪ —
Второй сборникъ стихотвореній 1.00

Alatas Co. in Churaevka, Southbury, Conn.

ЦѢНА $1.00

